

Д.Н.Мамин-Сибиряк. Избранные произведения для детей / Рисунки
Е.Мешкова. //Государственное Издательство Детской Литературы,
Москва, 1962
FB2: "Miledi ", 2008-03-09, version 1.0
UUID: 519cc5d1-351f-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Малиновые горы
(Сказки и рассказы для детей)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0013
III.....	.0022
IV.....	.0030
V.....	.0039
VI.....	.0047
VII.....	.0055

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
Малиновые горы**

Сохач сидел на корточках около огонька и наблюдал, как в чугунном котелке, подвешенном на рогатке над костром, быстро таял снег. Старик любил пить воду, добытую именно таким способом, как делают башкиры, – и вода вкуснее, и для здоровья полезнее. Весенний лед, чистый, как слеза, и дробившийся на отдельные кристаллы, как стекло, быстро таял в котелке, и получившаяся вода покрывалась пеной. Напротив Сохача сидела его собака Чуйка и внимательно следила за каждым движением хозяина. Чуйку занимал вопрос, оставит хозяин котелок с водой в снег или положит в него рыбы. На последнее было, правда, мало надежды, потому что до

обеда оставалось еще много времени, но Чуйка волновалась каждый раз, когда хозяин оттаивал лед в котелке. Почему бы ему не заварить уху или кашу? От ухи Чуйке доставались рыбы головы и хвосты, а от каши остатки.

– Ну, что ты глядишь-то зря? – заговорил Сохач с собакой. – Ах, глупый ты пес, и больше ничего... Понимаешь: глупый. Значит, ничего не понимаешь, кроме еды... Разве теперь время есть?

Собака слабо взвизгнула и облизнулась. Это была типичная промысловая лайка – небольшая, но крепкая, с стоявшими ушами, острой мордой, большими темными глазами и круто завернутым в кольцо хвостом. Цвет шерсти у нее был довольно странный – черный с ярко-желтыми пятнами, точно кожа у Чуйки проржавела. Сохач любил разговаривать с собакой и каждый раз читал ей какие-нибудь наставления.

– А кто съел старого глухаря, который жил в осинниках под Малиновой горой? Думаешь, съем и никто не узнает... А перья-то и остались. Ну-ка, что скажешь? Ежели бы глухаря

поймала лиса, то она утащила бы его к себе в гнездо вместе и с пером, а твое-то плутовство и осталось. А кто ловит молодых зайчат? Нечего, брат, жмуриться... Известное твое ремесло. А того не понимаешь, что ежели бы зайчонка поймал волк – он бы его с шерстью слопал, ежели бы лиса или коршун – унесли бы на гнездо. А после тебя заячья шерсть и остается... То-то, брат, очень уж ты у меня плутовать любишь, а хоронить концов не умеешь.

Чуйка выслушивала эти упреки и наставления самым внимательным образом и все понимала. Старик знал о каждом новом преступлении по ее виноватому виду. Тоже совестно, хотя и глупый пес: слопает зайчика и сейчас начнет прятаться, как хороший вор.

Сохач был низенький, худенький, сгорбленный старичок с жиденькой бородкой, слезившимися глазками и утиным носом. Прозвали его Сохачом в насмешку, когда еще он жил у себя в деревне, – сохатым, или сохачом, называют на Урале лося, громадного оленя, у которого под брюхом может свободно пройти маленькая крестьянская лошаденка. Сколько

было лет Сохачу – никто не знал. Зиму и лето он жил под Малиновой горой, на берегу громадного озера Карабалык. Он сторожил и богатое рыбное озеро, и караулил лес, и стерег дичь. Поселился Сохач под Малиновой горой лет пятьдесят тому назад и мало изменился за это время. В спутанных русых волосах у Сохача не было ни одного седого волоса, а ему насчитывали на девятый десяток лет. Лесная дача принадлежала Ушкуйским заводам, а озеро башкирам, сдававшим его в аренду купцам-рыбникам. Сохач должен был получать жалованье и с заводууправления, и с купцов-арендаторов, но никто ничего ему не платил – заводууправление было уверено, что Сохачу платят купцы, а купцы были уверены, что Сохач получает жалованье с заводууправления. Но купцы все-таки доставляли старику зимой хлеб и необходимую одежонку, и он жил тем, что плел из черемуховых прутьев угольные коробья, которые продавал углепоставщикам. Все-таки Сохач считал свое жалованье и на особенной липовой палке делал резку, заменявшую ему цифры, – возьмет палку и сейчас скажет, кто и сколько ему дол-

жен.

– А ну-ка, дедушка, подсчитай, – шутили купцы, когда приезжали зимой на Карабалык ловить рыбу громадными неводами. – Возьми-ка свою липовую арифметику...

Сохач брал палку и высчитывал по сделанным нарезам, что ему приходилось получить жалованье за тридцать пять лет. Это составляло довольно кругленькую сумму, потому что по ряду[1] ему обязаны были платить пятнадцать рублей в год, значит, за тридцать пять лет приходилось получить больше пяти-сот рублей.

– Пора бы уж получить должок... – говорил Сохач, почесывая в затылке.

– Куда тебе столько денег в лесу, дедка? Еще бродяги узнают и убьют тебя... Пусть пока полежат у нас. Вернее дело будет...

Сохач не спорил, потому что ему действительно деньги были не нужны. Его доверчивость и простота постоянно забавляли хитрых купцов, которые считали старика дурачком – не совсем дурак, а из ума выжил. Крестьяне и рыбаки были другого мнения о мудреном старике. По их мнению, это был не про-

стой человек, который только прикидывался простоватым. К нему приходили за советом, когда кто-нибудь был болен или когда случалась беда.

– Уж ты помоги, дедушка... – просили его. – Ты ведь у нас все знаешь. Каждую травку вы-знал, которая к чему...

Старик редко отвечал на эти просьбы словами, а пойдет в свою избушку, пороется где-то около печки и вынесет какой-нибудь травки. У Сохача от всякой напасти была своя травка. Так он многим помогал, и его слава росла. Денег за лечение Сохач не принимал, а любил, если ему приносили яичек или какую-нибудь домашнюю постряпеньку. Зубов у Сохача давно не было, и он любил пожевать мяконькое. Сам он умел варить только кашу из проса да уху – этим и питался. Мясо Сохач не ел совсем и позабыл даже, какой у него вкус.

– А для чего я его буду есть? – удивлялся он. – Грешно это... Все болезни у вас от мяса.

Жил Сохач на «сайте», как называют в средней части Урала рыбацьи избушки. Избушка была небольшая, но зимой, когда нево-

дили рыбу, в ней ночевали человек двадцать рыбаков. Спать приходилось вповалку, и все рады были теплу. Сейчас за избушкой шли два сарая, в которых хранились невода и разная другая рыболовная снасть. В окна избушки было видно все озеро Карабалык и синевшие за ним невысокие горы. Озеро разливалось верст на двенадцать и, как все горные озера, было очень глубокое. Сейчас стоял уже март, снег на озере весь стоял, и посиневший лед сильно надулся. Кое-где показывались первые полыньи. В горах снег еще не думал таять, а если подвертывались теплые дни, когда солнце обтаивало верхний снеговой слой, то ночью он покрывался тонкой, как стекло, ледяной коркой, которая называется «настом».

Именно в такое светлое мартовское утро и сидел у огонька старый Сохач. В воздухе уже чувствовалась весна, хотя кругом а белел снег. Старик каждый год встречал весну, как дорогой праздник, и радовался, что еще раз полюбуется и светлым красным солнышком, и зеленой травушкой-муравушкой, и лазоревыми цветиками, и разной перелетной пташ-

кой. Ох, что только и будет на озере и в горах...

– Скоро, Чуйка, птица полетит, – говорил Сохач, снимая котелок с огня. – Да, брат... Будет нам с тобой праздник. Ты хоть и бесвестный пес, а тоже чувствуешь... Вот уж мы с тобой наладим скворечник...

Сохач любил думать вслух и разговаривал с собакой, как с человеком. Это было и понятно, потому что нельзя же было молчать по целым месяцам, когда старик оставался один. Чуйка садилась против него и слушала терпеливо.

– Да, наладим скворечник, Чуйка, пора уж... Налетят скворчики, будут гнездышко вить, будут птенчиков выводить...

Слушавшая собака вдруг насторожилась и повернула голову к горе. Сохач тоже остановился на полуслове. Где-то далеко гукнул ружейный выстрел и покатился по горам громким эхом.

– Ах ты, господи!.. Кому бы это стрелять? Ведь стреляли, Чуйка?

Собака тревожно взвизгнула, – она знала выстрелы и слышала лучше. Старик пошел в

избушку, надел шапку, взял ружье и проговорил:

– Ну, Чуйка, пойдём искать... Кто-то шалит в лесу. Тоже нашли время... Кого теперь стрелять-то? Креста нет на людях... Ах ты, господи-батюшко...

Наблюдая собаку, Сохач понял, что выстрел был сделан по левую сторону Малиновой горы, где по обочине шли осиновые заросли. Он только покачал головой.

– Тарас Семеныч балуется? – спросил он собаку.

Чуйка утвердительно взвизгнула. Она различала выстрелы из разных ружей.

– Ну, так и есть... – бормотал старик, тяжело ступая по снеговой тропе. – Вот человек!.. И задам же я ему... Какое теперь время-то? А?..

Идти до саймы Тараса Семеныча нужно было версты две. Сначала тропа пролежала по берегу озера, а потом взбиралась на обочину Малиновой горы. Сохач торопился и тревожно оглядывал блестящий на солнце снег. Наконец он остановился и проговорил:

– Так и есть!.. Ах ты, господи... Да что же это такое?

Только опытный глав старого лесного сторожа мог решить сразу, в чем дело. Покрытый настом снег отлично сохранил следы отчаянной погони. Ледяная корка точно была протыкана колышками, а по ним лентой шел след охотничьих лыж. В двух-трех местах по снегу виднелись капли свежей крови. Чуйка обнюхала след лыж и радостно взвизгнула, – она узнала по запаху Тараса Семеныча. Нужно сказать, что собака любила этого неисправимого охотника, от которого иногда ей кое-что перепадало. Чуйка время от времени ходила к нему даже в гости, чтобы поглотить косточек, а иногда и стащить что-нибудь, что плохо лежало. Дома, кроме рыбы, ничего не

добудешь, а на сайме Тараса Семеныча еще издали пахло мясом. Старик любил поохотиться, и дичь у него не переводилась.

– Да, да... – повторял Сохач, шагая уже прямо по снегу. – Ах, идол... Это он козу по насту гнал... вот она уже умаялась, сердечная, и начала петли делать... А ножки в крови... больно...

Чуйка забежала вперед, остановилась у взрытого снега и жалобно завывала. Снег был утоптан и залит пятнами крови. Очевидно, несчастная дикая коза была убита здесь, и Тарас Семеныч прирезал ее тут же на снегу. От пули не было бы столько крови. «Видно, промахнулся, идол...»

Сайма Тараса Семеныча была скрыта ельником, который дружной семьей высыпал на озерный мыс. Озеро называлось Ала-Куль (пегое), потому что по заводям и излучинам было покрыто широкими полосами болотистых зарослей. Карабалык было просторнее и чище, хотя в Ала-Куль рыбы благодаря зарослям было гораздо больше. В этих зарослях пряталась рыбная молодежь, пока не вырастала в настоящую рыбу. Еще издали было видно, как

над ельником, окружавшим сайму Тараса Семеныча живой зеленой стеной, поднимался синей струйкой дымок.

– Ишь обрадовался... – ворчал Сохач, с трудом шагая по снегу. – Козу зарезал и печку затопил... Ни жалости, ни совести, а только свою утробу тешит.

Чуйка с радостным лаем унеслась вперед, предчувствуя хорошую поживу.

Тарас Семеныч, рослый старик с седой бородой, сидел перед своей избушкой на корточках и свежевал только что убитую козу, от которой еще шел пар.

– Ну тебя, Чуйка... – ворчал он на собаку, которая с визгом начала вертеться кругом него. – Чему обрадовалась-то, глупая?

Появление Чуйки не понравилось Тарасу Семенычу, и он с тревогой посмотрел на ельник за саймой. Наверно, сейчас и Сохач приплетется... Учужал, колдун!.. Вот тоже навязался сосед – умереть спокойно не даст. Действительно, минут через пять показался из ельника и Сохач.

– Вот чертушка-то принесло... – ворчал Тарас Семеныч, поднимаясь, и прибавил гром-

ко: – Здравствуй, Сохач...

– И ты здравствуй, Тарас...

Гость подошел к убитой козе, потрогал ее ногой, покачал головой и проговорил:

– Кровь... большой грех...

Тарас Семеныч молчал, почесывая в затылке. Ну, теперь начнет Сохач душу выматывать.

– Што это? – спрашивал Сохач, опять трогая козу ногой.

– Как што? Разве не видишь: коза...

– А кто ее убил, козу?..

– А ты думаешь, што я? – быстро заговорил Тарас Семеныч. – Я вот тут около избы утром-то подбираю дрова, а под Малиновой как кто-то запалит... Ну, я туда... Бегу, даже задохся, и вижу, как человек какой-то бежит в гору... Это он, значит, меня увидал, испугался и убежал. Ну, а коза лежит на снегу убитая. Я ее и того... Чего, думаю, пропадать напрасно добру? Взял да вот и принес сюда... Только и всего.

– Ах, Тарас, Тарас... И козу, божью тварь, зарезал, и меня обмануть хочешь...

– Да вот сейчас с места не сойти, Сохач!.. И

не думал убивать козу... На што она мне? Эка невидаль, подумаешь... Слава богу, достаточно видал этих самых коз в лесу. Даже сколько угодно...

– Значит, видел человека, который застрелил ее?

– Своими глазами видел, вот сейчас провалиться... Как увидел меня, и сейчас в гору побежал.

– Так, так... А как же следов-то после него не осталось, Тарас? Я все время шел по твоему следу – и он вывел на сайму. Вот ты обманываешь меня, а след всю правду сказал...

Это замечание сконфузило Тараса Семеныча, и он только замычал, как бык, припертый к стене.

– Ну, говори, – не унимался Сохач. – Обманывай... ну! Сейчас все врал, ну што стоит еще приврать малую толику... Ах, Тарас, Тарас!

– Да што ты ко мне привязался со следом?! – зарычал Тарас Семеныч. – Возьми глаза в зубы и погляди хорошенько...

– Так, так... Это не человек от тебя убежал, а твоя совесть. Да... Вот следов-то и не оста-

лось. Верно говорю...

Тарас Семеныч для чего-то снял с головы шапку и сердито бросил ее оземь. Потом он молча присел к козе и принялся доканчивать свою работу. Чуйка радостно взвизгнула, ожидая лакомой подачи. Сохач смотрел на них и качал головой.

– Тарас...

Тарас Семеныч молчал.

– Тарас...

– Отстань, смола!

– Вот я гляжу на вас, Тарас, то есть на тебя да на Чуйку, – как есть, два сапога – пара.

– Ты меня к псу приравниваешь?

– А ежели у вас одно с ним ремесло? Ишь, как пес-то радуется... И ты тоже радуешься. Только пес глупая тварь, а ты должен чувствовать. Ну, убил козу, сожрешь ее в неделю, а потом опять надо убивать... Бегала бы теперь божья тваринка, радовалась, а сейчас вот только рожки да ножки останутся. Хорошо это?..

Тарас Семеныч молчал, продолжая свое дело. Рядом с Сохачом он казался великаном, и было странно видеть, как маленький, тще-

душный старичонка донимал его, точно комар.

– Ну, што ты молчишь, ненасытная утроба? – приставал Сохач. – Говори свои слова, ежели у тебя есть совесть...

– И скажу! Думаешь, ничего не скажу? А вот возьму и скажу... – сердито отозвался Тарас Семеныч. – Вот ты пристал ко мне, што я козу застрелил... Хорошо. Ежели бы и в самом деле я ее пристрелил, ну, што из этого? Ежели бы по своему зверству и другую пристрелил – опять ровно ничего... Для чего, по-твоему, создана всякая травка и всякая тварь? Ну-ка, скажи? На потребу человека... Чуйка, цыц!.. Куды морду суешь? Да, на потребу... Значит, я взял да и пристрелил козу, потому как она для моей потребности выросла в лесу... Колют же разную домашнюю тварь: и корову, и теленка, и овцу, и свинью, и курицу. Это как, по-твоему-то, выйдет?

– А нехорошо выйдет... Вот тебе и мой сказ. Ежели можно, например, без этого жить...

– Ну, хорошо... Теперь не стали бы резать домашнюю скотину – куда бы ее деть? У меня три телушки народились, а мне всего одну

под силу выкормить!

– Отдай другим, у которых нет...

– Я отдам, другой отдаст, а под конец этой самой скотины столько разведется, што она нас съест или все одно передохнет с голоду. Так я говорю? Теперь, ежели опять волк или медведь – травой они не могут себя воспитывать, как же им быть? Для чего-нибудь и они живут на свете...

– А для страху, штобы мы чувствовали... Ты себя к волку приравнял?

– А хотя бы и так... У волка свое положение – у меня свое. Теперь возьми щуку – по-твоему, ей тиной воспитывать себя? А ежели она, например, не может и так сотворена, штобы другую рыбу есть?.. Это как, по-твоему?

Теперь уже задумался Сохач и почесал в затылке. Конечно, Тарас Семеныч любит по-есть свеженького мясца ж много пролил напрасной крови из-за своего лакомства – кругом неправ человек, одним словом, а вот относительно домашней скотины и кровожадного лесного зверья действительно задал задачу. Ободренный этим молчанием, Тарас Се-

меняч заговорил уже совсем смело:

– Вот ты меня, Сохач, укорил козой, а сам сколько рыбы съел? Тоже тварь...

– Рыба – тварь немая, и кровь у ней холодная... Она не чувствует, значит.

– Как не чувствует? Вон подцепишь ее на крючок, так как она крутится, сердешная... Значит, вполне даже чувствует. А как она мается, пока не уснет? Бьется, бьется... А ты: не чувствует, тоже и в тебе зверства достаточно, Сохач...

– Нет, рыба другое... Теперь ежели ее не ловить из озера лет с десять, так она сама вся переведется. Корму ей не хватит...

– Вот-вот... Што я тебе говорил про домашнюю скотину? Оно самое и выходит... Так-то, а ты пристал ко мне с козой.

– Ну, насчет козы совсем другая статья. Кабы тебя совесть не мучила, так ты бы не обманывал меня...

Старики постоянно спорили между собой. Сохач всегда нападал на Тараса Семеныча, а тот обманывал и лгал. Это были два противоположных характера, а потому, вероятно, старики очень любили друг друга. Правда, скучно жить в лесу по целым годам, но, помимо этого, есть известные привычки, с которыми трудно расстаться.

Тарас Семеныч был плутоват по натуре. Собственно, он не желал никого обманывать, но все выходило как-то само собой. Старик так привык лгать, что сам начинал верить собственным выдумкам. Ведь только чуть-чуть прибавит – глядишь, и вышло совсем другое. Тарас Семеныч обманывал с таким добродушным видом, что все, кроме Сохача, невольно верили ему. Он умел утаить и часть добытой из озера рыбы, и продавал хозяйские снасти, и забирал все жалованье вперед, и обсчитывал рыбаков, когда зимой они жили у него. И все-таки ему больше верили, чем Сохачу. Тарас Семеныч улыбался в бороду и говорил:

– Э, правдой век не проживешь!.. На што рыба, последняя тварь, и та норовит надуть. А ты не зевай, не будь дураком, не клади плохо...

Но иногда на Тараса Семеныча нападало тяжелое раздумье, особенно по вечерам. Как будто оно и нехорошо обманывать, даже совсем нехорошо... Положим, никто и ничего не узнает, а все-таки нехорошо. Старика смущало больше всего то, что Сохач каким-то чутьем слышал его обман. Посмотрит и точно насквозь видит. Другие не замечают, а Сохач видит, потому что ему это дано и еще потому, что сам он, Сохач, весь чистый и никого в жизнь свою не обманул. Правда, Сохач немного колдун, все это знают, а все-таки не обманет ни на волос. Тарас Семеныч несколько раз давая себе зарок исправиться, но выходило еще хуже: позабудет зарок и еще больше наврет. Для него оставалось единственное утешение, которое выражалось так:

– Много ли Сохачу нужно, ежели разобрать? Вон он какой кощей бессмертный – пососал корочку и сыт. А ежели меня господь такого облома уродил – всего подавай и всего

мало...

Тарас Семеныч любил выпить и всячески подслуживался к охотникам, которые приезжали уток стрелять на озере. Лучше этого народа и на свете не бывает – приедут, постреляют, водкой напоят и еще денег дадут. По условию, Тарас Семеныч не имел права сам стрелять дичь, но он потихоньку промышлял и сбывал под секретом тем же охотникам, причем свою дачу не трогал, а забирался в делянку Сохача. Что же ей, дичи, даром-то пропадать... Сегодня убил парочки три-четыре, а завтра народится новая. Чтобы не выдавать себя выстрелами и не тратиться на порох, Тарас Семеныч ловил глупую лесную птицу силами, уток на рыболовные крючки и разными другими хитростями. Но рыба и птица были сущие пустяки, а главное заключалось не в этом. Тарас Семеныч был по натуре охотник и на своем веку загубил многое множество всякого зверя. И себе удовольствие, и другим польза. Всякому приятно свежей дичинки отведать...

Ранней весной Тарас Семеныч бил на токах косачей и в одну ночь добывал штук де-

сять. Когда Сохач его корил за это, он оправдывался смело:

– Да ведь я петухов стреляю, а тетерок не трогаю... Ни-ни, ни боже мой! Зачем тетерку трогать – это грешно, потому как она яичек нанесет и птенчиков выведет. А петуха даже следует прикончить, потому как он ни к чему... На будущую весну молодые петухи поспеют. Сколько угодно, сделай милость. Вон и хозяйка так-то делает: всех петухов прирежет, а на развод одного оставит, и довольно... Не стану я всякую птицу тоже зря стрелять, а ту, которая соответствует... На што мне гагара, напримерно? А ни к чему... Вот тоже чайка или журавль. Даже нисколько не надобны, хоть бы их и совсем на свете не было.

Тарас Семеныч охотился целый год, но самой его любимой охотой была стрельба зверя на солонце, о чем не знал даже и Сохач. Солонец, то есть соляной ключ, был за Малиновой горой, и о его существовании знал только один Тарас Семеныч. О существовании этого сокровища он никому не рассказывал, даже самым близким благоприятелям. Только бы узнали – и все потянутся туда. По внешнему

виду солонец ничего особенного не представлял. Мало ли ключей в горах, около той же Малиновой горы. К солонцу Тарас Семеныч никогда не ходил одной дорогой, чтобы не пробить тропы. По такой тропе и другие охотники живо бы добрались. С саймы Тарас Семеныч шел влево по берегу своего Ала-Куля, потом поднимался в гору, огибал сосновый бор, разросшийся на полуденной теплой стороне Малиновой горы, и спускался к речке Безымянке. На правом берегу этой бойкой горной речонки образовалось в лесной заросли крошечное озерко, вернее – водяное окно в несколько сажен ширины. Это озерко питалось водой из солонца, выбивавшегося из-под большого камня, обложенного мохом, точно ковром. Можно было пройти в двух шагах от этого солонца и ничего не заметить. Тарас Семеныч пробирался лесной гущей с величайшей осторожностью, чтобы не сломить ни одного сучка и не оставить следов. По зимам солонец не замерзал, и от него шел густой пар, садившийся на окружающие деревья красивым куржаком. Деревья стояли, точно обсыпанные серебряной пылью. Другого такого

места не сыскать было не то что под Малиновой горой, а на сотню верст кругом. Одним словом, не ключик, а прямо угодник... Пробираясь к нему, Тарас Семеныч каждый раз крестился. Очень уж хорошо было место – лучше, кажется, не придумать.

Иногда Тарас Семеныч прикидывал в уме, сколько он добыл зверя, и только качал головой. Он проживал на своей сайме около двадцати лет, а каждый год худо-худо убивал штук двадцать диких коз, штук пять оленей и в счастливые года столько же сохатых. Эту дорогую добычу он домой выносил частями, а пока прятал в лесу, где у него сделаны нарочно для этого глубокие ямы в земле. Весной он набивал их льдом, как погреба. Лучшее время для охоты совпадало с самым большим летним жаром около петровок, когда всякого зверя одолевал овод и загонял на целые дни в воду. Днем олени и козы редко выходили на солонец, а только по ночам. Тарас Семеныч забирался с ружьем на закате солнца и залегал по-волчьи где-нибудь в кустах, чтобы чуткий зверь не услышал его присутствия. Хороши такие ночи в горах... Тихо-тихо кругом, как

в пустой церкви. Каждый шорох слышно, слышно, как бьется собственное сердце. Но эта тишина только казалась тишиной, а в сущности с недалекого озера все-таки тянуло теплым воздухом, и Тарас Семеныч ложился на подветренную сторону, чтобы зверь не учуял присутствия своего злейшего врага – человека. Как-то так он лежал всю ночь и под утро заснул. Но его разбудило осторожное фырканье. Когда Тарас Семеныч открыл глаза, ему показалось, что по озерку плавает какой-то куст. Это была громадная голова сохатого с его громадными рогами. Даже было жаль стрелять такого красавца. А потом Тарас Семеныч едва вытащил из воды громадную тушу. Сохатый весил пудов тридцать. Да, бывали счастливые дни, о которых старый охотник вспоминал потом с каким-то благоговением. Это чувство поймут только завзятые охотники, каких в сущности очень немного.

Мясо, добытое на солонце, Тарас Семеныч частью сбывал охотникам, а остатки солил или вялил на солнце. Оленьи и козьи шкуры он тоже продавал – это был ходкий товар. Таким образом, солонец в год давал ему, на ху-

дой конец, рублей пятьдесят, а то и больше.

По зимам Тарас Семеныч добывал разными способами волков. Ловил их в капканы, стрелял и просто травил каким-то составом. Но волк – хитрый зверь, и этот промысел давал мало дохода.

– Он похитрее другого человека, волк-то, – объяснял Тарас Семеныч в свое оправдание. – Ты еще не подумал, а он уже сделал. Сколько они у меня одних собак передавили...

Волки действительно сильно одолевали сайму Тараса Семеныча и по зимам держали ее в осадном положении. Сколько он ни заводил собак – всех их, в конце концов, рвали волки.

– Ну какой ты после этого охотник, коли собаки уберечь не можешь? – смеялся над ним Сохач в веселую минуту. – Вон у меня Чуйка одиннадцатую зиму живет... А раньше Лыско четырнадцать годов жил.

– А ежели ты колдун – вот волки и не берут твоих собак. Значит, слово такое знаешь...

– Слова-то для всех одинаковые, а только Чуйка сама бережет себя. Глупый пес, а тут не обманешь...

IV

Малиновые горы – один из лучших уголков среднего Урала. Особенной высотой они не отличались, но это не мешало им составлять центр громадного горного узла. Старинное башкирское название этих гор как-то потерялось, а нынешнее они получили благодаря тому, что по увалам и россыпям[2] росла в особенном изобилии малина. И какая малина – сравнить нельзя с лесной. Правда, что она была мельче лесной, но, вызревая на солнце, эта горная малина приобретала особенный вкус. Рассказывают, что в большом количестве она может даже опьянить.

С шихана[3] главной Малиновой горы открывался единственный в своем роде вид. Одних горных озер можно было насчитать до сотни, что придавало картине совершенно особенный характер, точно горами было прикрыто какое-то подземное море. Эти озера уходили далеко в благословенную башкирскую степь, где принимали уже совсем другую форму, – горные озера отличаются своей глубиной, красиво разорванной береговой ли-

нией, массой островов, прозрачной водой и тем, наконец, что почти все соединены между собой протоками, составляя, таким образом, один громадный резервуар, из которого брали воду уходявшие в степь реки; степные озера, наоборот, имеют в большинстве случаев овальную форму, мелки, вода в них буроватая, между собой они не соединены и никаких истоков не дают, за очень редкими исключениями. Вообще цепь горных озер составляет главную красоту восточного склона Урала, являясь в то же время неистощимым запасом живой силы.

Никто не знал так Малиновых гор, как старый Сохач. Для него они были чем-то живым. Перед ненастьем горы «задумывались», к ветру по вечерам они окрашивались розовым отблеском, зимой одевались в белую пушистую шубу, а весной покрывались пестрым зеленым нарядом. Сохач верил, что горы разговаривают между собой, и он сам слышал глухой гул от этих разговоров, особенно когда прокатится буйная молодая гроза, вся радостная, сверкающая, полная таинственной силы. А после такой грозы, когда выглянет солнце,

разве горы не улыбались? Все жило кругом удесятеренной жизнью и притягивало к себе жизнь, и все было неразрывно связано между собой. А весна? Разве это не молодость, безумно тратившая избыток сил направо и налево? Разве эта молодость не жила тысячью голов, веселой суматохой и торопливой погоней за своим молодым счастьем? И вода была живая, и лес, и каждая былинка, и каждая капля дождя, и каждый солнечный луч, и каждое дыхание ветерка... Везде творилась какая-то громадная и чудная тайна, везде вершилась какая-то великая правда жизни и везде было непрерывавшееся чудо, окрыленное облаками, глядевшее тысячами глаз-звезд, переливавшееся мерцанием летних зарниц, напоенное чудным ароматом горных цветов. Разве травы не шептались между собой? Разве вода не разговаривала бесконечной волной? Разве по ночам не засыпало все – и горы, и вода, и лес? Сохач просиживал у своей избушки весенние ночи напролет, слушал, смотрел и плакал от умиления, охваченный восторженным чувством. Если бы другие могли понимать, как все хорошо, как все справедливо и

как человек мал и ничтожен пред окружающим его со всех сторон величием жизни. Он мог только чувствовать и не умел рассказать.

«Перелом» зимы на весну всегда вызывал в Сохаче какую-то смутную тревогу, как у человека, который собирается куда-то в далекий путь. Для Сохача весна начиналась с первой проталинкой, появлявшейся где-нибудь на солнечном угреве. Как только выглянула такая проталинка – все и пошло: косачи отделяются от тетерок, рябчики с ольховых зарослей уходят в ельники, куропатка начинает менять белое зимнее перо на красное летнее, по ранним утренним зорям слышится в глухом лесу любовное бормотанье глухаря. Тогда же начинают линять зайцы, волки забиваются в глухую лесную чащу, выходит из берлоги медведь, дикие козы любят поиграть на солногревах – все живет, все хочет жить, все полно радостной весенней тревоги. По озерам тоже идет своя работа: стоит еще лед, а рыба уже поднимается с глубоких зимних мест, ищет прорубей и полой воды, рвется к устьям горных речонок. Налим, щука, окунь, плотва – все почуяли приближавшуюся весну.

Так было всегда, так будет и так же было сейчас. Возвращаясь от Тараса Семеныча на свою сайму, Сохач говорил Чуйке:

– Глупый ты пес, и больше ничего. Вот и нас всех не будет, а Малиновые горы останутся, и лес, и зверь, и птица... Так-то! Сколько ни жри мяса, а помирать придется... Вот оно

какое дело-то! Предел, значит. Мы тут в том роде, как гости, значит, озорничать и не надобно. Тебя в гости позвали, а ты, напримерно, зверство свое оказываешь...

Чуйка закусила на сайме у Тараса Семеныча свежей козлятины и только моргала глазами. Что же, пусть хозяин разговаривает и ворчит, а козлятина все-таки вкусная... Чуйка любила хозяина и не могла понять, почему он никогда не корнит ее мясом.

Вместе с весной у Сохача начинались и волнения, особенно по ночам. Выйдет старик из избы ночью и стоит. Тихо-тихо кругом, и вдруг прокатится по горам выстрел.

– Тарас Семеныч глухаря застрелил, – думает вслух старик и качает головой. – Ах, нехорошо!

Иногда выстрелы повторялись – это значило, что Тарас Семеныч бьет тетеревов на току. Нет жалости у Тараса Семеныча...

– В этакое-то время бить птицу, когда она радуется, – укоряет Сохач приятеля. – Ну, есть у тебя стыд? Ах, Тарас Семеныч...

В период весенней охоты Тарас Семеныч делался сумрачным, не любил спорить, а

больше отмалчивался. Да и о чем тут было говорить, ежели человек не понимает... Сохач объяснял это настроение по-своему.

– Ты поглядел бы на себя-то: зверь зверем, – говорил он. – Настоящий волк... Скоро на людей будешь бросаться. Ну, что молчишь как березовый пенек?

– А что я буду с тобой разговаривать? Тебе с твоими-то разговорами прямо надо в монастырь идти...

– Монастырь-то ведь не стены, а душа. И ты ведь тоже чувствуешь когда-нибудь.

– Очувствуюсь?..

– Непременно... Иначе нельзя.

– По какой такой причине?

– А по той самой, что так и жить нельзя... Какую ты птицу теперь бьешь? Она зимовала, натерпелась холоду и стужи, дождалась тепла, а ты ее и слопал... Ты будешь лопать, я буду лопать, все другие прочие будут лопать – что же тогда будет-то? Вот погоди, разорвет тебя когда-нибудь...

Сохач смотрел на все кругом, как на свое собственное хозяйство, и считал себя ответственным за каждую убитую птицу. Божья

тварь всякая птица, и за нее придется дать ответ. Старик часто любовался на убитых Тарасом Семенычем глухарей, а особенно на косачей. Уж и красивая птичка... Вся наряженная да изукрашенная, точно на праздник куда собралась. И все в одно перо. Не отличишь одной от другой. А сколько в ней страху было... Всего береглась, всего боялась, соблюдала себя и вдруг ничего не надо. Ах, нехорошо обижать божью тварь! Она вот только сказать не умеет, как боится каждого человека, потому что нет страшнее зверя в лесу. Волк и тот сытый не кинется, а человек будет бить без конца. Убил и счастлив. Больше ничего не нужно.

На и этого было мало. Тарас Семеныч назовет охотников, и те примутся стрелять. Господа оказывали себя еще похуже мужика, потому что и зайцев стреляют, и куликов, и сорок – кто только подвернется под руку. Удивительнее всего для Сохача было то, что некоторые господа и дичи не ели, а только стреляли. И псов таких же наведут: тоже не будет есть никакой лесной птицы, хоть ты его убей. Тарас Семеныч добывал охотой свой хлеб, а

господа проливали кровь для собственного удовольствия.

Не успела хорошенько устроиться своя зимняя птица, как налетели гости с далекой теплой стороны. Сохач всегда караулил, как покажется первая стая. На озере к этому времени появлялись уже ржавые полыньи, лед от берегов отставал, и горные бойкие речки начинали бунтовать. В среднем Урале весна обыкновенно начинается дружно, и в каких-нибудь недели две вся картина меняется. Когда снег стает, кругом все желто, везде валяется палый осенний лист, сучья и разный сор, вообще полный беспорядок, как в доме перед большим праздником, когда все чистят, моют и убирают, а потом сразу все покроется яркой весенней зеленью, запестреет цветами и примет праздничный вид. Да, хорошо тогда в горах...

Сохач ждал дорогих гостей дни и ночи. Какая же весна без перелетной птицы? Плохо спится по ночам старику, выйдет из избы, присядет на завалинку и слушает. В одну из таких весенних ночей, на рассвете, он услышал наконец, как в воздухе далеко и протяж-

но пронеслось печальное курлыканье – это летел журавлиный косяк.

...Журавли прилетели почти раньше всех, как вестовые. За ними уже быстро двинулись все остальные. Малиновые горы с испокон веков служили для перелетной птицы становищем. Она здесь отдыхала и кормилась. За журавлями прилетели лебеди, потом гуси, потом утки, закричали жадные чайки, и все озеро точно сразу ожило. Не было уголка, где бы не копошилась птица. Полыньи были покрыты точно живым серебром.

– Ну, теперь птица лед разобьет, – решил Сохач, веривший, что последний лед на озере разбивается именно птицей. – Не выстоять ему перед такой силой-мочью. Крылом птица разобьет лед.

В этот весенний перелет горные озера под Малиновыми горами представляли единственное зрелище, потому что служили сборным пунктом для десятков тысяч всевозможной водоплавающей птицы, которая здесь и отдыхала после далекого пути, и кормилась, чтобы лететь дальше на север. На лето здесь оставалась только ничтожная часть. По но-

чам на озере, когда птица кормилась, поднимался такой шум, что не слышно было человеческого голоса. Сохач просиживал на берегу своего озера целые ночи и не мог налюбоваться. То-то хлопочут, кричат, наговаривают каждая по-своему, и все понимают друг друга. Большая птица, как лебеди и гуси, держалась подальше от берегов и не мешалась с остальной мелюзгой, как утки, гагары и чайки.

– У большой птицы и ума больше, – соображал Сохач. – Вон как гуси-то сторожатся... Точно солдаты на карауле. А утки как будто и подешевле будут... Куда, мол, нам за дорогой птицей.

И места выбирали себе разные: гусь не иначе возьмет, как крепкое место, куда приступить нет. Лебеди тоже, а остальная мелочь выбирала места для гнезд чуть не под самым берегом. Только бы где-нибудь приткнуться, а там уже все равно.

– И как это они все разделятся промеж себя, – удивлялся Сохач, – которой лететь дальше, которой оставаться, которой каким местом владеть?.. Нет, чтобы драка была или беспорядок, а все на совесть, по чести.

Последней прилетала болотная птица, начиная с крошечных куличков-песочников, хондивших на проволочных ножках, и кончая неуклюжими цаплями. После озера ожили и все болота, где теперь жила каждая кочка. Писк, стрекотанье, призывающие голоса... Как торопливо вились гнезда, чтобы не потерять ни одного дня. Северное лето такое короткое, и приходилось торопиться.

– Кто ее учит, божью птичку? – удивлялся Сохач.

Много лет он прожил в лесу и каждую весну не мог надивиться. Все устроено так премудро, только вот сказать никто не умеет, да и он тоже.

Вместе с перелетной птицей появились коршуны и ястреба. Они провожали птичьи косяки и вырывали живую добычу. Много наносили беды лисицы, горностаи и ласки, которые любили полакомиться птичьими яйцами и самой птицей. То там, то сям попадались растрепанные перья и пух. Сохач обходил свои владения и только качал головой, когда находил эти следы хищничества. Птичка летела тысячи верст, хлопотала, вила гнездо и

несла яйца точно только для того, чтобы попасть в зубы лисе или в когти ястребу. Это уже совсем обидно, а главное, несправедливо. Мысль о правде неотступно преследовала Сохача, и он никак не мог понять, для чего существуют такие разбойники, как волки, лисы, ястреба, щуки и во главе их всех Тарас Семеныч. Если бы их не было совсем – другая бы жизнь пошла. А с другой стороны, раз они существуют – значит, и они для чего-то нужны. Ведь ни одна травка не вырастет напрасно. Все предусмотрено, все рассчитано, все устроено по закону – в последнем Сохач был глубоко убежден.

Весенняя суматоха скоро закончилась. Караваны перелетной птицы улетели дальше, и только ничтожная часть осталась в Малиновых горах и на горных озерах. Да и эту оставшуюся птицу нельзя было видеть, потому что самки сидели на яйцах, а самцы забрались в крепкие лесные места, заросли и гущи, где происходила линька – весеннее перо менялось на обыкновенное. Исключение представляли одни селезни, которые беззаботно плавали по озерам. Сохач целые дни бродил те-

перь по лесу ж горным лугам, собирая целебные горные травы. Много было таких трав, и много в них было пользы... С ними бродила Чуйка. Бедная собака страшно мучилась, потому что везде слышала притаившуюся по гнездам дичь. Идет-идет и остановится как вкопанная. Глаза горят, вся дрожит, а Сохач только погрозит пальцем.

– Ты у меня смотри, озорник... Нельзя птичку трогать. Слышишь, глупый пес? Теперь птичка деток высиживает!.. Понимаешь?

Чуйка грустно виляла хвостом и делала вид, что понимает и соглашается.

Раз поздно вечером они бродили по болоту, в котором Сохач отыскивал траву петров-крест. Чуйка вдруг радостно взвизгнула. Сохач оглянулся и увидел Тараса Семеныча, который тоже бродил по болоту с кошель в руках.

– Тарас Семеныч, ты это зачем в болото забрел?

– Я-то? Гм...

Тарас Семеныч смутился и бросил кошель в траву. Сохач подошел, поднял кошель и

только покачал головой – в кошеле были утиные яйца. Старик любил поесть яичницу из свежих утиных яиц.

– Это у тебя что, Тарас Семеныч?

– А ты погляди... – грубо ответил Тарас Семеныч – он всегда грубил, когда чувствовал себя виноватым. – Известно, яйца...

– Так, так... Хорошее ремесло: воровать утиные яйца!

– Чего мне их воровать-то? Просто набрал по гнездам...

– Конечно, наворовал... Не твои ведь яйца, ну, значит, украл.

– Разговаривай... Сам небось тоже любишь яичко съесть.

– Я куриные яйца ем. Курицу хозяин кормит, ну, значит, и берет уж свои яйца.

– Все одно, что куриное, что утиное – все яйцо.

– Кабы все одно, так ты бы не бросал мешок-то...

– А ты хоть кого напугаешь, колдун... Я думал, медведь забрался в болото...

– Нечего сказать, похож на медведя... Я-то травку собираю на пользу людям, а ты воров-

ством промышляешь.

– Отвяжись, сера горячая!..

Старики поругались и разошлись.

Тарас Семеныч шел и ворчал: вот навязался чертушко!.. Носит нелегкая по болоту ночью колдуна. Наверно, и траву собирает какую-нибудь вредную...

Весной Тарас Семеныч избегал встречаться с Сохачом, потому что занят был своим делом. Сначала охота на токах, а потом рыбная ловля. Последняя была запрещена в это время, когда рыба из озер рвалась в горные речонки метать икру. Но Тарас Семеныч обходил закон. Ведь запрещено ловить рыбу снастью, а он ловил без всякой снасти. Снимет рубаху, завяжет рукава бечевкой и наставит против течения. Надуется рубаха пузырем, набьется в нее рыбы столько, что едва вытащишь. Ну, кому от этого обида, а рыбы в озере не убавится. Сделай милость, сколько угодно ее нарастет за лето!

Летние месяцы – самое тихое время в горах. Вся птица занята своими выводками и усиленно прячется в крепких, неприступных местах. Много нужно птичьего ума, чтобы сохранить выводок целым. А тут и ястреба ждут, и лисицы, и мелкие хищники, как ласки, и человек. Водяная птица терпела главным образом от ястребов, а лесная от всех. Ах, трудно жить на свете беззащитной птице, которая всего и всех боится!..

В период, когда поспевала всякая лесная ягода, Малиновые горы служили сборным пунктом для зерноядной птицы. Сюда сходились выводки с разных сторон, чтобы покормиться и земляникой, и брусникой, и черникой, а особенно сладкой горной малиной. Теревинные выводки, рябчики, куропатки, глухари – все торопились отпраздновать лето. Старый Сохач особенно любил эту мирную пору и по целым дням бродил в лесу. Его удивляло больше всего то, как и птица и зверь боялись человека. Зайдешь в лес – и ни звука, точно все вымерло. Старик выбирал

где-нибудь местечко на лесной опушке и прятался. Он по целым часам лежал, не шевелясь, и все наблюдал, что делалось кругом. А посмотреть было что. Стоило только притаиться, и все помаленьку начинало оживать. Начинали перекликаться птички в кустах, из травы показывались спрятавшиеся выводки, осторожно выкатывался молодой зайчик, точно клубок серой шерсти, выходили козы с козлятами – все жило своей жизнью, стоило только уйти человеку, этому самому страшному врагу всего живого. Значит, хорош этот человек, который нагонял такую панику...

Особенно любовался старый Сохач выводками. И красива эта лесная птица! С домашней не сравнить. Гуляет выводок, и все птенчики в одно перо. Не отличить одного от другого, хоть целую неделю смотри. А вот мать – так всех знает и свой счет у ней: чуть отбился какой малыш, сейчас спохватится; чуть где хрустнет сучок – все и попрятались. Смешно смотреть на них... Тут же шмыгали зайцы. Они часто смешили Сохача, когда принимались играть – кувыркаются, прыгают, гоняются друг за другом. Ни дать ни взять – малые

ребята.

– Ах, прокураты! – любовался ими старик. – Ишь радуются... Ишь балуют, косые! Ужо вас волк пугнет...

Раз Сохач был невольным свидетелем, как подкрадывалась к заячьему гнезду лиса. Он лежал в траве и слышал какой-то подозрительный шорох. Оглянулся, да так и замер – в пяти шагах от него в кустах ползла лиса. Так и ползет по траве, а сама глаз не спускает с зайчат. Видимо, она до того увлеклась своей охотой, что позабыла о всякой опасности и не замечала Сохача. Старик не шевелился и ждал, что будет дальше. Разыгравшиеся зайчата тоже не предчувствовали опасности. Лиса ползла к ним с подветренной стороны. Оставалось всего несколько шагов. Сохач видел, как она готовилась уже сделать последний роковый прыжок – собрала все тело, присела на задние лапки...

– Куда ты, бесстыдница?.. – крикнул он, выскакивая из-за своего куста.

Лисица мелькнула, как молния, зайчата тоже точно провалились сквозь землю. Сохач стоял и хохотал.

– Ах, глупые!.. Что, испугались?.. Ах, несообразная тварь!.. Меня испугались, а лису подпустили. Эй вы, глупыши, выходите!..

В другой раз Сохач сам испугался. Это случилось, когда уже поспела горная малина. Он осторожно поднимался по краю каменной россыпи, где раскинулись большие кусты малины, усыпанные зрелой ягодой. Сохач шел с кузовком и собирал ягоды. Хороша эта ягода, особенно тем, что можно ее засушить и есть зимой. И от болезней помогает – заварил сушеной малины, напился горячего отвару, и сейчас такое тепло прошибет. Прямо на пользу человеку эта ягода... Подобрался Сохач к большому малиновому кусту со своим кузовком и принялся за работу. Только вдруг слышит он, что по другую сторону куста кто-то ходит и тоже собирает малину. Сохач подумал, что это какая-нибудь баба-ягодница. Он только захотел раздвинуть малиновый куст, да так и застыл – по другую сторону на задних лапах стоял громадный медведь и сосал усыпанные ягодами ветки. Он тоже заметил человека и несколько времени смотрел на него в упор.

– Ну, чего ты уставился?.. – крикнул наконец Сохач, не помня себя от страха.

Медведь начал пятиться, опустил на передние лапы и сконфуженно начал спускаться под гору. Раза два он оглянулся и сердито фыркнул.

– Вот я тебя!.. – погрозил ему кулаком Сохач. – Тоже нашел ремесло...

Медведь остановился, посмотрел на него еще раз и медленно исчез в густой горной траве. Сохач испугался по-настоящему, только вернувшись к себе на сайму. Смерть была на носу... Стоило медведю один раз ударить его своей могучей лапой, и сейчас дух вон. Пожалуй, и недохнул бы ни разу...

Тарас Семеныч очень смеялся над приятелем и объяснил, в чем дело.

– Кабы он, медведь, значит, увидел у тебя ружье в руках, ну, и конец бы тебе... Зверь умный, видит, что человек зря бродит по россыпи – вот и не тронул. Так-то он меня однажды версты с две провожал... Я иду по тропке, а он сторонкой за мной.

Тарас Семеныч летом тоже отдыхал, потому что и охоты не было и рыба плохо лови-

лась. Да и вообще он сделался какой-то угрюмый. Придет на сайму к Сохачу, посидит у огонька и уйдет. Сохачу казалось, что Тарас Семеныч хочет что-то сказать и не решается.

– Ну, как поживаешь, Тарас Семеныч?

– А ничего... Вот и лето скоро пройдет. Не успеешь оглянуться...

У Тараса Семеныча в последнее время явилась странная привычка всему удивляться, точно он видел все в первый раз. Стаял снег – он удивлялся, пронеслась первая гроза в горах – тоже, упало сухое дерево, пролетел ястреб, ухнул ночью филин – тоже.

– Сохач, птица скоро будет грудиться... – сообщал он.

– Где же еще скоро? До осени далеко...

– Как далеко?.. Не успеешь оглянуться, и осень подкатит. Удивительное это дело!..

– Ничего Даже удивительного нет...

– А зима? Ух, как завернет мороз... А потом опять весна...

– Да ты что мелешь-то, Тарас Семеныч? Как будто и не Совсем ладно говоришь...

– Разве неладно?..

– Совсем неладно... Чему ты удивляешься-

ся-то?

Раз Тарас Семеныч пришел на сайму к Сохачу ночью, в проливной дождь. Он весь был мокрый.

– Эк тебя носит, Тарас Семеныч... Хороший хозяин собаки не выгонит из дому, а ты бредешь.

– Небось пойдешь, когда дома-то...

Что было дома – Тарас Семеныч так и не сказал. Он посидел с час и собрался назад.

– Да ты куда? Переночуй у меня...

– Нет, уж я домой...

– Ну, дождь бы хоть переждал...

– Дождь-то ничего... Ну, прощай.

Уходя, Тарас Семеныч проговорил:

– Ужо заходи ко мне как-нибудь.

– Ладно...

– Я тебе одну диковину покажу.

Когда Сохач пришел к Тарасу Семенычу, то действительно пришлось удивляться. Около избы паслась живая коза.

– Это у тебя откуда коза, Тарас Семеныч?

– А сама пришла... Как-то выхожу утром, а она спит вон тут, перед самой избушкой. Я сейчас за ружье схватился... нацелил, спустил

курок – осечка... А она вскочила и смотрит на меня. Глаза-то совсем ребячьи... Ах ты, тварь, думаю! Опять это нацелился... Нет, не могу выпалить. Понимаешь, точно кто меня за руку держит... Вот какое дело вышло, Сохач. Теперь вторую неделю живет коза...

– Это к счастью, Тарас Семеныч, когда зверь приживется...

Тарас Семеныч только вздохнул и покачал головой, а потом проговорил:

– Не велико счастье... Это смерть моя пришла.

– Ну, уж и смерть... Болит что-нибудь?

– Болеть ничего не болит, а только скоро помру...

– Раньше смерти никто не помирает...

– Нет, уж так... Ну, не стоит об этом разговаривать.

Коза паслась около саймы, как у себя дома. Она даже не испугалась Чуйки, которая сначала залаяла на нее, а потом хотела поиграть. Сохач долго любовался красивым животным и хохотал над Чуйкой. Вот глупый пес...

VII

С Тарасом Семенычем действительно было нехорошо. Он скрывал свою болезнь, да, собственно, и назвать ее не умел. Вообще неможется, как говорят простые люди, и от еды отбился, и сна нет, и разная дрянь в голову лезет. Ну, взять хоть ту же козу – чего, кажется, проще, а она измучила Тараса Семеныча. Нейдет эта самая коза с ума, и конец делу. К чему? зачем? в каком смысле? Только раз старик почти догадался – смотрел, смотрел на козу, и показалось ему, что он точно где-то видел ее раньше. Вон и отметинка есть на правой задней ножке, и одно ухо как будто поменьше, а главное – глаза. Ну, вот видел ее раньше, именно эту самую козу видел, и конец. А потом старик испугался: ведь это та самая коза, которую он тогда по насту загнал. Она самая...

– Да ведь ты съел ее тогда? – удивлялся Сохач.

– Известно, съел... Сам знаю. А все-таки та самая...

– Ну, это тал, блазнит[4] тебе, Тарас Семе-

ныч... Мало ли ты таким манером по насту
коз загонял на своем веку!

– Был грех, Сохач... Ох, большой грех!

– Говорил я тебе...

– Тогда другое было, и я был другой, а вот
теперь мне ее и даром не надо, значит, козу...
Я и простой-то говядины видеть не моху. Как-
то пришла проведать меня из деревни пле-
мянница и принесла гостинцы, а я и глядеть
не могу. С души воротит, как только подум-
аю... Я эту племянницу уже возьму к себе на
осень. Скучно одному-то...

– Тоже и придумает человек: скучно! Нет,
Тарас Семеныч, ты повредился... Ужо я тебе
травку такую дам, полезительную.

Попробовал Тарас Семеныч пить пользи-
тельную травку, но и это не помогло, а точно
сделалось даже хуже. Главное, делалось ему
хуже по ночам: мается, мается, а заснуть не
может. Лежит и все слушает... Вот легкий ко-
зий топот, вот ударил копытом матерый соха-
тый, вот пискнул смертельно раненный заяц,
а там со свистом проносится утиная стая, пе-
рекликаются рябчики, жалобно курлыкают
журавли и где-то безостановочно бежит по

камням бойкая горная речонка – вода так и бурлит. Тарасу Семенычу стоило закрыть глаза, как все эти звуки поднимались разом, и он чувствовал, как со страху его охватывает холодная дрожь. Он просиживал целые ночи у окна – это было легче. За какой-нибудь месяц старик страшно исхудал.

– Скоро помру... – говорил он Сохачу, когда тот приходил его проведать. – Вот только птица отлетит в теплую сторону, и я за ней...

– Пожалуй, и то помрешь, – соглашался Сохач. – Все мы так-то: живем долго, а помрем в один день.

К осени на сайме у Тараса Семеныча поселилась его племянница, совсем маленькая девчонка. Толку от нее было мало, а все-таки веселее, когда живой человек. Очень уж спать любила девчонка, и ночью ее не добудишься. Спит, как зарезанная. А все-таки лучше... Не так страшно, когда живой человек рядом.

– Эй, Матрена Ивановна, будет спать-то, – будил ее старик. – Спишь, как барыня городская...

Старик был убежден, что городские бары-

ни только и делают, что едят и спят. Что им делать, барыням... Вот и Матрена Ивановна тоже дрыхнет, хоть из пушки в нее стреляй.

Было уже несколько холодных ночей с еще более холодными осенними утренниками, когда трава серебрилась от инея. Небо все чаще и чаще покрывалось тучами. Дул холодный северный ветер, точно гасивший последние летние краски. Птица уже грудилась в стаи. Старые учили молодых летать, и над озерами носились громадные стаи уток.

«Теперь уж шабаш: ничего мне больше не нужно, – думал Тарас Семеныч. – Пусть все летят... да».

А по ночам его все сильнее и сильнее преследовали разные видения. Раз было так, что избушку окружили все убитые им звери и птицы... Старик дрожал от страха. Их было целое полчище, и все рвались в избушку. Он слышал, как в дверь царапались птичьи когти, как торопливо стучали козьи копытца, как рыл землю сохатый... Если бы все разом бросились на него – задавили бы в один миг.

– Господи, что же это такое? – стонал Тарас Семеныч.

И все это он убил, и все съел...

Когда приходил проводить Сохач, Тарас Семеныч ничего не рассказывал о своих ночных муках. Старый колдун еще посмеется и скажет, что так тебе и надо.

– Вот журавли полетят, и я с ними, – говорил Тарас Семеныч совершенно спокойно. – Что же? Будет, пожил!

Сохач молчал. Он не боялся думать о смерти.

Раз Сохач не был на сайме у Тараса Семеныча дня три и вспомнил о нем, когда услышал жалобное курлыканье первой журавлиной вереницы. Старику сделалось даже совестно, и он торопливо сейчас же отправился навестить приятеля. Когда он уже подходил к сайме, Чуйка жалобно взывала.

«Ох, неладно...» – подумал старик.

Тарас Семеныч лежал мертвый. Коза убежала из своей загородки накануне, и это так его поразило, что старик уже не поднимался больше со своей лавки.

Примечания

Ряда – условие, договор.

[^^^]

Увал – небольшие горки; россыпь – гряды камней, которые тянутся от горных вершин.

[^^^]

Шихан – скалистый гребень, которым заканчивается вершина горы.

[^^^]

4

Блазнит – чудится, мерещится, видится.

[^^^]